

взаимопроникновением моделей. (Полное слияние моделей невозможно в силу личностного способа бытия.)

Предложенный вариант моделирования представляет собой логический переход от преимущественно эмпирического изучения общения к теоретическому осмыслению последовательно усложняющегося межличностного взаимодействия, в которое всё более полно вовлекаются вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности (Ю.Н. Караулов). В представленной модели очевидно стремление автора внести свой вклад в концептуализацию русского межличностного общения и в разработку холистической интерпретации межкультурного диалога. Разумеется, содержательная сторона модели требует уточнения и дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 7 – 37.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1985. – С. 217-237.
4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
5. Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
6. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М.: Шк. Культ Политики, 1997. – 656 с.

УДК 811.161.2'0 + 811.161.1'0

Владимир Глущенко,
Вадим Овчаренко,
Ирина Рябинина
(Славянск)

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: А. И. СОБОЛЕВСКИЙ И А. А. ШАХМАТОВ

У статті розглянуто погляди видатних учених кінця XIX ст. – початку XX ст. О. І. Соболевського й О. О. Шахматова на полемічні питання методології вивчення історії російської мови (джерела вивчення; порівняльний, історичний та порівняльно-історичний методи; хронологізація мовних явищ).

Ключові слова: *порівняльно-історичний метод, джерела вивчення історії мови, реконструкція, хронологізація.*

The article describes the views of prominent scientists of the late XIXth –early XXth centuries A. I. Sobolevskiy and A. A. Shakhmatov on controversial issues of methodology of studying of the history of Russian language (source of study; comparative, historical and comparative-historical methods; chronology of linguistic phenomena).

Key words: *comparative-historical method, sources of learning of the history of language, reconstruction, chronology.*

Несмотря на наличие монографических исследований [14], научное наследие русских языковедов конца XIX в. – начала XX в. остается изученным недостаточно. Это и обуславливает актуальность и научную новизну данной статьи. Ее целью является характеристика методологии изучения истории русского языка (в контексте других

славянских языков) в трудах А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, чьи методологические позиции были во многом различными.

Значительным вкладом в сравнительно-историческое языкознание стала разработка учеными Московской школы положения о необходимости синтеза сравнительных и исторических данных в исследовании истории языковых явлений, т. е. применения сравнительно-исторического метода.

Если проанализировать взгляды ученых Московской школы на связь сравнительного и исторического изучения языков в целом, можно отметить, что в теоретическом и практическом аспектах они различали три метода генетических исследований: сравнительный, исторический и сравнительно-исторический.

Представители школы большое внимание уделяли, с одной стороны, критике работ, в которых языковой материал исследован с помощью сравнительного или исторического метода, с другой, обоснованию преимуществ сравнительно-исторического метода.

При этом вопрос о методах генетических исследований они тесно связывали с источниками изучения. "Характер источников, – указывал Н. Н. Дурново, – определяет и методы изучения истории языка" [16, с. 17].

Рассмотрим особенности сравнительного, исторического и сравнительно-исторического методов в интерпретации ученых Московской школы, уделяя особое внимание источникам изучения.

По мнению ученых школы, суть "сравнительного" метода заключается в сравнении явлений современных языков (диалектов) без учета фактов их истории. Таким образом, единственным источником изучения здесь выступают современные языковые (диалектные) данные [52, с. 14].

Подробно о недостатках сравнительного метода писал А. А. Шахматов. Полемизируя с учеными, которые не признавали существования в прошлом "общерусского праязыка", А. А. Шахматов высказал мнение, что эти ученые используют не сравнительно-исторический, а лишь сравнительный метод, в значительной степени игнорируя историю языковых явлений, их относительную хронологию. В связи с этим А. А. Шахматов отмечал: "Сравнительный метод может давать неоспоримые результаты только тогда, когда он является одновременно историческим; сравнительному методу, который в данном случае пользуется сопоставлением фактов из современной жизни русских языков, из периода конечного их развития, мы противопоставляем метод сравнительно-исторический, который использует факты в их истории" [там же]. Характер аргументации, приводимой далее А. А. Шахматовым, убеждает в том, что он имел в виду не только исследования Ф. Миклошича, но и книгу С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера "Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache" [65], которую ученый здесь не упоминает. Несколько ранее А. А. Шахматов посвятил критическому рассмотрению этого труда развернутую рецензию.

Считая грамматику С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера "ценным приобретением для славяноведения", А. А. Шахматов вместе с тем отмечает, что она не внесла ничего нового в историческое и сравнительное изучение славянских языков, хотя авторы ставили перед собой такую цель. Тот раздел грамматики, в котором они рассматривают вопрос о месте украинского языка среди других славянских, "с точки зрения исторической науки не выдерживает критики": авторы "совсем пренебрегли историей языка" [63, с. 7, 9].

Проведенный В. А. Глушенко анализ рецензии А. А. Шахматова показывает, что критику ученого вызвало не само сравнение, а его характер (без учета истории) и следствия (сделаны выводы генетического характера). А. А. Шахматов обращает внимание на хронологизацию явлений языковой истории, на необходимость различения ранних (праязыковых) и поздних изменений.

Историческим ученые Московской школы называли метод, с помощью которого изучают факты истории языка, содержащихся в древних письменных памятниках: этот метод является "реконструкцией языковых явлений по памятникам языка – рукописям, надписям и

т. д." [31, с. 9]. Таким образом, источником изучения здесь выступают "исторические памятники и документы" [16, с. 17].

Наиболее выдающимся представителем исторического метода ученые школы считали А. И. Соболевского [31, с. 5]. То, что А. И. Соболевский опирался на древние письменные памятники, объясняется его философскими взглядами, в основе которых, как и у младограмматиков, лежал позитивизм с присущей ему ориентацией на достоверный факт как на начало и результат исследования [38, с. 23; 26, с. 85–86]. Факты прошлого содержатся, по мнению А. И. Соболевского, только в древних письменных памятниках: современные диалектные данные могут лишь подтверждать те выводы, к которым исследователь приходит путем изучения памятников [47, с. 41].

Так же подходил к источникам изучения истории языка А. Е. Крымский, который писал: "Я, изучая древнюю историю любого языка (не только украинского), считаю нужным искать указания, прежде всего, в древних его памятниках: необходимо кропотливо рыться в старых рукописях, брать оттуда больше фактических данных – и оперировать только документально засвидетельствованными лингвистическими фактами. Всякая исторически-лингвистическая гипотеза, против которой мне говорят своими фактами древние письменные источники, навеивает мне истинный страх, и я предпочитаю сказать "не знаем" или даже "никогда не будем знать", чем строить гипотетическую картину, которая могла бы вызвать во мне самое определенное сомнение" [28, с. III]. Такой подход А. Е. Крымский сознательно противопоставлял ориентации на современные диалектные данные, которую он связывал с именем А. А. Шахматова [там же].

Именно поэтому в посвященных источникам изучения истории языка подробных разделах капитальных трудов А. И. Соболевского и А. Е. Крымского говорится только о древних письменных памятниках [43, с. 5–18; 30, с. 43–82]. И это следует объяснять отнюдь не незнанием современных диалектов. Так, А. И. Соболевскому принадлежит ряд трудов по диалектологии восточнославянских языков, в том числе обобщающее монографическое исследование "Опыт русской диалектологии" [45], являющееся переработкой "Очерков русской диалектология" [46]. А. Е. Крымский был замечательным знатоком украинских говоров. Можно отметить, в частности, что он вместе с К. П. Михальчуком составил "Программу для собирания особенностей малорусских говоров" [35].

А. А. Шахматов высоко оценивал диалектологические исследования А. И. Соболевского и А. Е. Крымского. Он отмечал, например, что "Очерк русской диалектологии" содержит "полный обзор тех знаний о современных русских говорах, которые имеет наука" [60, с. 581]. А. Е. Крымского А. А. Шахматов характеризовал как "отличного знатока современного малорусского языка в его наречиях" [51, с. 144].

Вместе с тем, по мнению А. А. Шахматова, ориентация А. И. Соболевского и А. Е. Крымского на материал древних письменных памятников как на приоритетный источник изучения истории языка не дает этим лингвистам возможности использовать в их историко-фонетических исследованиях тот богатый, информативный материал современных говоров, который имеется в их распоряжении. А это значительно обедняет результаты. В частности, существенный недостаток "Украинской грамматики" [30] А. А. Шахматов усматривал именно в недостаточной ориентации на современные диалектные данные: А. Е. Крымский-диалектолог "не использовал в достаточной мере своих знаний для предложенного им исторического очерка" [51, с. 144], и это отрицательно повлияло на значимость выводов ученого.

Анализ работ А. И. Соболевского, Н. М. Каринского, А. Е. Крымского показывает, что современные диалектные данные они использовали очень ограниченно, с целью подтверждения уже полученных результатов изучения материала древних письменных памятников. По сути, диалектным данным отведена констатирующая роль: они указывают, сохранилось то или иное явление в современных говорах (с возможной модификацией).

С этим была связана очень важная особенность: представители исторического метода предполагали, что в диалектах "общерусского языка" и восточнославянских языках раннего периода могли быть черты, утраченные современными говорами.

Так, А. И. Соболевский реконструировал, в частности, такую особенность "галицко-волынского наречия" XIII – XIV вв., как "очень редкая" взаимозаменяемость шипящих и свистящих согласных [47, с. 111–112, 116]. Для псковского говора XIV в. он предполагает переход $e > a$ [там же, с. 146, 155]; Н. М. Каринский приписывает эту черту псковскому говору XV в. [24, с. 152–156]. Последнему, по мнению Н. М. Каринского, присущи, в частности, и такие особенности, как взаимозаменяемость **и** и **ы** и отвердение **р** [там же, с. 173–176, 180–183].

Для А. А. Шахматова как представителя Московской школы такой подход был неприемлем из методологических соображений. Очевидно, это было связано с шахматовским пониманием устойчивости языка. Ученый считал, что за несколько веков, которые отделяют современные восточнославянские языки от их предка, "общерусского языка", в языковых системах не могло произойти изменений столь значительных, чтобы отдельные языковые черты были утрачены без каких-либо следов [55, с. 108–109, 182].

Поэтому А. А. Шахматов очень критически отнесся к приведенным выше реконструкциям А. И. Соболевского и Н. М. Каринского. Он отмечал, в частности, что ни А. И. Соболевский, ни Н. М. Каринский не указали на рефлекс переход $e > a$ в современных псковских говорах [57, с. 128]. Взаимозаменяемость букв **е** и **я** в псковских памятниках XIV – XV вв. А. А. Шахматов объяснил южнославянским влиянием [там же, с. 129]¹. Такого же происхождения и некоторые другие особенности псковских памятников: взаимозаменяемость букв **и** и **ы**, написание типа серобра, з берега, поперокъ [там же, с. 141–142, 149].

Таким образом, отражением живого произношения А. А. Шахматов считал только те явления памятников, которые подтверждаются современными данными [23, с. 104]. Это характеризует позицию Московской школы в целом. В работах ученых этой школы содержится критика древних письменных памятников как источника изучения истории языковых явлений и – в связи с этим – критика позиций сторонников исторического метода.

Углубленное изучение памятников позволило А. А. Шахматову сделать вывод о том, что они "не всегда дают надежный материал для определения звукового состава прошедших веков: действительно, преемственность письма, книжного языка и самой литературы неизбежно ведет за собой перенос из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших из языка, чуждых живому произношению" [62, с. 36]. Таким образом, в памятниках представлен искусственный язык [там же, с. 22]. Это связано с тем, что "письмо развивается самостоятельно, независимо от языка" [55, с. 183]. При этом необходимо учитывать то, что памятники могут отражать церковное произношение [там же, с. 191]. К тому же "показания памятников скудны: в письменность проникли не все говоры, некоторые из них никогда не получали письменного отображения" [там же, с. 183]. Кроме того, памятники всегда ограничены определенной эпохой, история же языка "неизбежно заводит исследователя в эпохи доисторические, не знавшие письма" [там же, с. 11].

На этом основании был критически оценен тот подход к памятникам, который отражен в трудах представителей исторического метода. Так, С. М. Кульбакин отмечал как недостаток работ А. И. Соболевского "одностороннее пристрастие к рукописям и историческому методу, в узком смысле этого термина. Это пристрастие к рукописному материалу порождает иногда чрезмерное доверие к букве и заставляет игнорировать данные сравнительного (сравнительно-исторического – В. Г., В. О., И. Р.) метода и свидетельства живых говоров, иногда более архаичных, чем старый литературный язык" [31, с. 5].

¹ Это положение А. И. Соболевский назвал неудачным, не аргументировав, однако, своего взгляда [41, с. 232].

А. А. Шахматов подчеркивал случайность того материала, который дают исследователю письменные памятники (на примере "Украинской грамматики" А. Е. Крымского): "И начало, и объем истории малорусского языка определены в грамматике проф. Крымского случайными обстоятельствами: наличием и содержанием памятников древней и поздней письменности малорусской" [51, с. 144]. По мнению А. А. Шахматова, А. Е. Крымский, который обычно делает орфографические данные "исходной точкой в своих рассуждениях" [там же, с. 153], относится к памятникам недостаточно критически [там же, с. 144]. В работе А. Е. Крымского "выводы, построенные на сравнительно-историческом методе, оставлены в стороне и заменены наблюдениями над сложной, иногда безнадёжной по своей случайности графикой памятников" [там же]¹. Существенный недостаток, "одностороннюю направленность" исследований А. Е. Крымского А. А. Шахматов усматривал в том, что "всё свое внимание автор направил на изучение филологических данных памятников южнорусской письменности" [там же]. А. А. Шахматов обосновывает свое мнение ссылкой, в частности, на предложенную А. Е. Крымским интерпретацию истории звука е в украинском языке. Так, недостаточно аргументированной представляется А. А. Шахматову [там же, с. 145] реконструкция мягких согласных перед е в древнекиевском договоре XI в., основанная на написании йотированного ~ вместо е [30, с. 192]. По мнению А. А. Шахматова, А. Е. Крымский "избежал бы ряда затруднений в понимании и изложении судьбы звука е в малорусском языке, если бы последовательно продумал соответствующие явления в том действительно историческом освещении, которое дает только сравнительный (сравнительно-исторический – В. Г., В. О., И. Р.) метод" [51, с. 149].

В целом можно отметить, что критическое отношение А. А. Шахматова и других ученых Московской школы к древним письменным памятникам как источникам изучения истории языка опиралось на превосходное знание памятников и разработанную систему тщательных приемов отделения графических и орфографических явлений от собственно фонетических.

"Сравнительному" и "историческому" методам ученые Московской школы противопоставляли сравнительно-исторический [52, с. 14]. На необходимости сочетания исторического изучения языков со сравнительным постоянно настаивал Ф. Ф. Фортунатов. По его мнению, "историческое изучение всех доступных исследователю отдельных человеческих языков является вместе с тем необходимо сравнительным изучением отдельных языков" [50, с. 24].

Так же и сравнительное изучение языков не даст желаемого результата без исторического подхода к языковым явлениям. Таким образом, лингвистические исследования становятся эффективными благодаря приему внешней реконструкции.

Проведенный В. А. Глущенко анализ высказываний ученых Московской школы [14, с. 102–173] показывает, что они считали характерным признаком сравнительно-исторического метода широкое использование разнообразных источников изучения истории языка, причем приоритетным источником являются современные языковые (диалектные) данные, а важнейшим среди вспомогательных – материал древних письменных памятников [61, с. 2–3; 62, с. 37; 56, с. 8–11, 182–184; 5, с. 7–8, 16; 6, с. 14–15; 4, с. 29–31; 17, с. 26–27; 19, с. 14–17; 32, с. 11]².

¹ На недооценку А. Е. Крымским сравнительно-исторического метода указывают современные исследователи научного наследия ученого [20, с. 38].

² Таким образом, в этом плане противостояли позиции не только А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, как традиционно считают, но и представителей исторического и сравнительно-исторического (Московская школа) методов в целом. Кроме этих двух источников, ученые Московской школы выделяют материал других славянских языков, а также слова, формы и частично фонетические особенности иностранных языков, заимствованные у восточных славян, и письменные свидетельства иностранцев о восточнославянском населении, содержащие соответствующий лингвистический материал.

Это стало продолжением традиций Харьковской школы и было связано с теоретическими установками и практическими исследованиями ученых Казанской школы [2, т. 1, с. 45, 349; т. 2, с. 51, 58] и младограмматиков. Последние выступили с призывом изучать прежде всего "живые" говоры [36, с. 180–192; 37, с. 441–458], однако в практике их исследований современные диалектные данные выступают как дополнение к материалу древних памятников. На это указывал их современник К. Ю. Аппель [1, с. 361–362]. Обращение компаративистов 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. к современным диалектам было глубоко закономерным [34, с. 94–95]. Характерно, что Е. Ф. Будде видел в нем "новейший поворот в направлении языкознания вообще, и русского языкознания в частности" [5, с. 7].

Таким образом, блестящие открытия А. А. Шахматова, во многом обусловленные его ориентацией на материал современных территориальных диалектов, были подкреплены данными памятников, авторитетным знатоком которых также был А. А. Шахматов. Этим же путем шли и другие ученые Московской школы.

И все же для школы была характерна некоторая недооценка памятников как источника изучения истории языка.

Проведенный В. А. Глущенко анализ показывает, что взгляды представителей Московской школы на древние письменные памятники в этом плане со временем изменились. Важность результатов, полученных на материале древних памятников Л. Л. Васильевым и принятых А. А. Шахматовым и Н. Н. Дурново, способствовала более высокой оценке этими учеными экспланаторных возможностей памятников [14].

Уникальность Л. Л. Васильева-языковеда, которую признавали современники [58, VI, IX; 18, с. 858], во многом можно объяснить тем, что он был учеником двух лингвистов-антиподов – А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. У А. И. Соболевского Л. Л. Васильев взял нацеленность на материал прежде всего древних памятников, от которого исследователь переходит к современным диалектным данным. Примером может служить работа Л. Л. Васильева "О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков" [11]. Автор указывает здесь на то, что он сделал некоторые наблюдения над употреблением каморы над буквой *о* в памятниках XVI в., но "ключ к ... загадке" [там же, с. 8] он нашел после ознакомления с трудом О. Брока "Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда" [3]. Это дало Л. Л. Васильеву возможность исследовать употребление каморы в памятниках XVI – XVII вв., от которых ученый переходит к материалу говоров современного русского и других славянских языков [11, с. 17–63].

Приведенный пример позволяет выявить и существенное отличие Л. Л. Васильева от А. И. Соболевского в подходе к современному диалектному материалу, в чем, несомненно, на Л. Л. Васильева влиял А. А. Шахматов. Л. Л. Васильев более широко, чем А. И. Соболевский, использует современные диалектные данные, они играют более важную и конструктивную роль, помогая изучить условия возникновения и развития фонетических явлений.

Л. Л. Васильев исследовал фонетические условия и на материале древних памятников. Этот материал для него, несомненно, был более значимым, чем для А. А. Шахматова. Характерно, что А. А. Шахматов сам признавал это. В отзыве на указанную работу Л. Л. Васильева [11] А. А. Шахматов отмечал, что он путем анализа современного диалектного материала пришел к аналогичным выводам об "отношении современных *о* и *о̆* ударных в некоторых великорусских говорах к двойственной природе ударений, стоявших над *о*". Учений пишет: "Но я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно найти различие *о* и *о̆*, которое так поразило меня, как и Л. Л. Васильева, впервые в описании Тотемского договора, которое дал проф. О. Брок" [58, VI].

В отличие от Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, которые при моделировании историко-языковых явлений, следуя дивергентно-конвергентной теории, моделировали

Последние два источника в теоретическом аспекте наиболее подробно осветил Н. Н. Дурново [16, с. 16–25; 19, с. 17–43; 15, с. 11, 31, 220–228].

процессы дивергенции в духе теории "родословного дерева" А. Шлейхера, А. И. Соболевский и Е. Ф. Будде давали историческую интерпретацию восточнославянского языкового материала в духе "волновой" теории [13].

А. И. Соболевский обращался к "волновой" теории, в частности, для доказательства локализации "нового h" в "галицко-волынском наречии" [44, с. 19–21; 42, с. 316]. В рамках "волновой" теории сближалось смешение ж, ш и з, с в русских говорах с подобным явлением польского языка в книге Е. Ф. Будде "К истории великорусских говоров" [5, с. 295]. Несмотря на критику А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде и в дальнейшем трактовал подобным образом некоторые черты русских говоров (дзекание-цекание, отвердение ч), говоря не о заимствовании, а о том, что западная часть "среднерусских" говоров (в шахматовском понимании этого термина) "пережила общие явления с польскими говорами" [6, с. 195].

Особенности хронологизация в трудах ученых Московской школы и их современников связаны с приоритетностью того или иного источника изучения истории языка. Позиции ученых Московской школы и представителей исторического метода здесь не совпадали. Это наиболее отчетливо отражено в трудах А. А. Шахматова и А. И. Соболевского.

В вопросах хронологизации А. И. Соболевский придерживался традиционных позиций. Отдавая предпочтительную абсолютной хронологизации, он датировал те или иные изменения в языке почти исключительно по памятникам, нередко ограничиваясь лишь указанием на первые фиксации в древних рукописях. Так, в связи с отвердением р в "смоленско-полоцком говоре" А. И. Соболевский отмечает, что оно отражено в памятниках конца XIV в. – начала XV в. [48, с. 22], однако вопроса о времени возникновения указанного явления ученый не ставит. Обратившись к хронологии аканья, А. И. Соболевский указывает, что "первые следы аканья в памятниках относятся лишь к XIV в." [43, с. 76]. Ученый придавал большое значение времени отражения тех или иных явлений в памятниках; так, в связи с увеличением случаев аканья в рукописях XV – XVI вв. А. И. Соболевский приходит к выводу, что "аканье и связанные с ним звуковые явления в XV – XVI вв. имели уже внушительные размеры, близкие к размерам современного аканья" [там же, с. 80].

Следовательно, здесь можно говорить об отождествлении А. И. Соболевским времени возникновения фонетических явлений со временем их отражения в памятниках. В связи с этим, в частности с хронологизацией аканья и "переходом у в в" [там же, с. 122] в трудах А. И. Соболевского, В. В. Виноградов писал: "Прежде всего на почве отождествления буквы со звуком бессознательно создавалась склонность судить о хронологии фонетических процессов по их графическим обнаружениям" [12, с. 187]. В. В. Виноградов отмечал [там же, с. 187–188], что подобным образом устанавливалась хронология различных процессов в трудах других лингвистов начала XX в.: у Д. К. Зеленина – прогрессивного ассимилятивного смягчения к в русских говорах [22, с. 20–22, 376, 426], у Л. Л. Васильева – перехода е > о после мягких согласных (кроме шипящих и ц) в русском языке [8, с. 212], у А. Е. Крымского – ряда звуковых явлений украинского языка [30].

С этим связана важная особенность абсолютной хронологизации у А. И. Соболевского и других историков языка, которые устанавливали хронологию фонетических явлений путем обращения к памятникам: большинство явлений датировано сравнительно поздним временем (после возникновения у восточных славян письменности).

Такой подход вызвал критику А. А. Шахматова [51, с. 144–147; 53, с. 337–339], обусловленную иным пониманием приема хронологизации, органически связанным с особенностями сравнительно-исторического метода в трудах ученых Московской школы.

По А. А. Шахматову, отражение тех или иных фонетических явлений в памятниках имеет во многом случайный характер. Это касается, в частности, первых фиксаций [51, с. 144]. Недостаточное количество памятников, особенно древних, ограниченность графических средств, консерватизм, преемственность письма – всё это не способствует отражению в памятниках древних явлений [62, с. 22, 36; 56, с. 285–287; 53, с. 337].

Таким образом, и в вопросах хронологизации письменные памятники как источники изучения истории языка казались А. А. Шахматову ненадежными. В связи с этим он писал: "Письменные памятники ни в коем случае не могут служить бесспорными показателями хронологии звуковых явлений: так, например, памятниками аканье засвидетельствовано, в очень слабой притом степени, не ранее XIV в., а между тем связь восточнорусского и белорусского аканья ведет неизбежно к утверждению, что это явление более древнее" [53, с. 338].

Признавая значение памятников для хронологизации языковых процессов, А. А. Шахматов отдавал бесспорное преимущество другому источнику хронологизации – современным диалектным данным. Они дают возможность устанавливать относительную хронологию языковых явлений, которая в трудах А. А. Шахматова и других представителей Московской школы явно преобладает над абсолютной.

Такой подход обусловил значительную архаизацию многих фонетических явлений в трудах А. А. Шахматова (а вслед за ним – и в работах других ученых Московской школы), что противостояло сравнительно поздней датировке у представителей исторического метода, прежде всего у А. И. Соболевского.

Чтобы убедиться в этом, достаточно выборочно сравнить некоторые хронологии А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. Так, по А. И. Соболевскому, переход г взрывного во фрикативный согласный в "галицко-волынском наречии" осуществился в XIV в. [47, с. 117; 43, с. 112]. А. А. Шахматов считал, что переход $g > \gamma$ имел место еще в диалектах праславянского языка. А. И. Соболевский датировал переход $e > o$ (различной локализации) XII – XIII вв. [43, с. 59]. А. А. Шахматов, приняв положение В. Ягича [64, с. 37] и Ф. Ф. Фортунатова [49, с. 311–312] о двух этапах изменения $e > o$ (сначала после шипящих и j, а позже и после других мягких согласных), вслед за Ф. Ф. Фортунатовым относил первый этап к праславянскому языку [59, с. 8–9, 17–18].

Такой характер хронологизации обусловил значительные колебания А. А. Шахматова в датировке некоторых процессов. Так, палатализацию и лабиализацию (лабиовеляризацию) согласных перед гласными переднего и заднего ряда А. А. Шахматов хронологизировал по-разному: в ранних работах он считал этот процесс "общерусской" инновацией (она возникла параллельно и на западнославянской территории), в более поздних – праславянской.

Для А. А. Шахматова характерно стремление анализировать не отдельные языковые факты, взятые изолированно, а группы родственных фактов. Он реконструирует не только отдельные звуки, но и целые признаки звуков (например, палатализованность и лабиализованность согласных в праславянском и "общерусском" языках). Это дало ученому возможность установить основные закономерности развития праславянской и правосточнославянской фонетических систем [27, с. 55–60].

Как отмечает В. А. Глущенко, другие представители Московской школы были склонны рассматривать реконструированные архетипы и фонетические законы как в значительной степени изолированные, невзаимосвязанные. Об этом наглядно свидетельствует отношение ученых Московской школы к шахматовской концепции взаимодействия вокализма и консонантизма в истории восточнославянских языков [14, с. 144–161]: она не получила должной оценки в трудах Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново, С. М. Кульбакина, В. К. Поржезинского [там же, с. 159–160].

Как изолированные выступают архетипы и фонетические законы и в трудах представителей младограмматизма. В лингвистической историографии широко распространено положение об "атомизме" младограмматиков [25, с. 19; 21, с. 173]. Однако, по мнению В. А. Глущенко, об атомистическом, изолированном изучении отдельных элементов языка в работах младограмматиков можно говорить только в плане отсутствия внутренней связи между реконструированными архетипами и фонетическими законами. Сама же их реконструкция, а также генетическое отождествление фактов в исследованиях языковедов XIX в. – начала XX в., в том числе в трудах младограмматиков, предусматривали системное понимание языковых явлений [14, с. 31–40].

То же самое необходимо сказать о работах А. И. Соболевского. В его интерпретации историческая фонетика является историей отдельных фонетических явлений, выступающих как изолированные. Это может быть иллюстрировано, например, обращением к переходам $e > o$ и $e > a$, которые А. И. Соболевский, в отличие от А. А. Шахматова, никак не связывает [43, с. 59–67, 86–88]¹. Обращение к "Лекциям по истории русского языка" показывает, что А. И. Соболевский признавал связь только между теми фонетическими законами, которые в то время были хорошо и всесторонне исследованы в трудах ученых Харьковской и Московской школ и в работах самого А. И. Соболевского. Это серия изменений в вокализме и консонантизме, обусловленных падением редуцированных на восточнославянской территории [там же, с. 50–57, 103–122].

В целом же архетипы и фонетические законы выступают у А. И. Соболевского как изолированные, невзаимосвязанные. Вместе с тем в его работах объективно отразились системные свойства языка (в приеме генетического отождествления фактов и в процедуре реконструкции отдельных архетипов и фонетических законов). Следовательно, приписывать А. И. Соболевскому исключительно асистемный подход к фактам языка было бы методологически неправильным. Очевидно, здесь следует говорить об определенной ограниченности А. И. Соболевского в понимании системного характера языковых изменений и о соответствующей интерпретации им историко-фонетических явлений [14].

По мнению А. А. Шахматова, реконструкция архетипов и фонетических законов как изолированных существенно ограничивает значимость полученных результатов. Именно такой недостаток присущ трудам А. И. Соболевского и чешского лингвиста Я. Гебауэра [62, с. 34–36].

Перспективы дальнейших исследований мы видим в раскрытии вклада других представителей русского и мирового языкознания XIX в. – начала XXI в. в развитие лингвистической методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппель К. Ю. Некоторые общие вопросы языкознания / К. Ю. Аппель // Рус. филол. вестн. – 1886. – Т. 15. – С. 158–169; Т. 16. – С. 353–365.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.
3. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда / О. Брок // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1907. – Т. 83. № 4. – 151 с.
4. Будде Е. Ф. Вопросы методологии русского языкознания : пособие для преподавателей русского языка в средней школе и для самообразования / Е. Ф. Будде. – Казань, 1917. – 169 с.
5. Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров : опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии / Е. Ф. Будде. – Казань, 1896. – 377, II с.
6. Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка / Е. Ф. Будде. – 1906/7 ак. г. – Казань, 1907. – 253 с.
7. Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка / Е. Ф. Будде. – 2-е изд. – Казань, 1913. – 364 с.
8. Васильев Л. Л. К истории звука h в московском говоре XIV – XVII вв. / Л. Л. Васильев // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1905. – Т. 10. Кн. 2. – С. 177–227.
9. Васильев Л. Л. К характеристике сильно акающих говоров / Л. Л. Васильев // Рус. филол. вестн. – 1907. – Т. 58. № 4. – С. 241–262.
10. Васильев Л. Л. Можно ли основываться в доказательство существования в предке малорусского наречия мягких согласных перед e на современных малорусских формах

¹ В этом плане уместно сопоставить рассмотрение переходов $e > o$ и $e > a$ (через промежуточные звуки \ddot{o} , \ddot{a}) в истории украинского языка как параллельных, взаимосвязанных у А. Е. Крымского [30, с. 198–201ε, 369–420α; 29, с. 99], на что указывали исследователи [20, с. 34] и в чем нельзя не видеть влияния А. А. Шахматова.

- повелительного наклонения в роде *ведить?* / Л. Л. Васильев // Рус. филол. вестн. – 1913. – Т. 70. № 3. – С. 170–172.
11. Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков : к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии / Л. Л. Васильев // Сб. по рус. яз. и словесности. – 1929. – Т. 1. Вып. 2. – 164 с.
 12. Виноградов В. В. Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях академика А. А. Шахматова / В. В. Виноградов // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1922. – Т. 25 (1920 г.). – С. 172–197.
 13. Глущенко В. А. Моделювання історії східнослов'янських мов у компаративістиці 70-х рр. XIX ст. – 30-х рр. XX ст. / В. А. Глущенко, В. М. Овчаренко // Мовознавство. – 2006. – № 1. – С. 17–28.
 14. Глущенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) / Глущенко Володимир Андрійович / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с.
 15. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка / Н. Н. Дурново. – М. : Наука, 1969. – 295 с.
 16. Дурново Н. Н. Записки по истории русского языка. Фонетика и диалектология / Н. Н. Дурново. [– Литограф. изд.] – Харьков, 1912. – Вып. 1 и 2. – 211, 44 с.
 17. Дурново Н. Н. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1907–8 ак. г. в Московском университете / Н. Н. Дурново. [– Литограф. изд.– М., 1907–8]. – 208 с.
 18. Дурново Н. Н. Леонид Лазаревич Васильев [некролог] / Н. Н. Дурново // *Slavia*. – 1926. – Roč. 4. Seš. 4. – S. 858–860.
 19. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка / Н. Н. Дурново. – М. ; Л. : Госиздат, 1924. – 376 с.
 20. Жовтобрюх М. А. Питання історичної фонетики української мови в науковій спадщині А. Ю. Кримського / М. А. Жовтобрюх // А. Ю. Кримський – україніст і орієнталіст (Матеріали ювілейної сесії до 100-річчя з дня народження) / відп. ред. І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1974. – С. 26–40.
 21. Звегинцев В. А. Структурализм в лингвистике / В. А. Звегинцев // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М. : Наука, 1978. – С. 172–186.
 22. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации / Д. К. Зеленин. – СПб., 1913. – XVI, 544 с.
 23. Истрина Е. С. Труды А. А. Шахматова по русскому языку / Е. С. Истрина // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1922. – Т. 25 (1920 г.). – С. 100–106.
 24. Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке / Н. М. Каринский. – СПб., 1909. – 209 с.
 25. Кацнельсон С. Д. Вступительная статья / С. Д. Кацнельсон // Пауль Г. Принципы истории языка. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 5–20.
 26. Колесов В. В. Алексей Иванович Соболевский / В. В. Колесов // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 85–91.
 27. Колесов В. В. Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкознания / В. В. Колесов // Вопр. языкознания. – 1971. – № 2. – С. 53–61.
 28. Кримський А. Ю. Передне слово / А. Ю. Кримський // Шахматов О. О., Кримський А. Ю. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI – XVIII вв. – К., 1924. – С. III–IV.
 29. Кримський А. Ю. Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася / А. Ю. Кримський // Шахматов О. О., Кримський А. Ю. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI – XVIII вв. – К., 1924. – С. 87–128.
 30. Крымский А. Е. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья / А. Е. Крымский. – М., 1907. – Т. 1. Вып. 1. – С. 1–2, 16–200, 217–272; М., 1908. – Т. 1. Вып. 2 и 6. – С. 201–210v, 369–429, 454–545.
 31. Кульбакин С. М. История русского языка. Краткая фонетика : из лекций, читанных в 1909–10 уч. ак. г. / С. М. Кульбакин. [– Литограф. изд.–] Харьков, [1909–10]. – 115 с.
 32. Кульбакин С. М. Украинский язык : краткий очерк исторической фонетики и морфологии / С. М. Кульбакин. – Харьков, 1919. – IV, 104 с.

33. Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций академика А. А. Шахматова и наши современные задачи / Б. А. Ларин // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – 1960. – № 267. Вып. 52. – С. 3–16.
34. Макаров В. И. Живая речь как сфера действия фонетического закона и основной источник изучения истории языка / В. И. Макаров // Русское языкознание : республиканский межведомственный научный сб. – 1992. – Вып. 25. – С. 90–99.
35. Михальчук К. П. Программа для собирания особенностей малорусских говоров / К. П. Михальчук, А. Е. Крымский. – СПб., 1910. – III, 163 с.
36. Остгоф Г. Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков" / Г. Остгоф, К. Бругман // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 187–198.
37. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
38. Перетц В. Н. Некролог [А. И. Соболевского] / В. Н. Перетц // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд-ние гуманитарных наук. – 1930. – № 1. – С. 17–24.
39. Поржезинский В. К. Важнейшие моменты в истории сравнительного языковедения / В. К. Поржезинский. – Варшава, 1897. – 26 с.
40. Русанівський В. М. Питання історичної граматики в працях А. Ю. Кримського / В. М. Русанівський // А. Ю. Кримський – україніст і орієнталіст (Матеріали ювілейної сесії до 100-річчя з дня народження) / відп. ред. І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1974. – С. 40–49.
41. Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора [рец.] : Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке / А. И. Соболевский. – СПб., 1909 // Рус. филол. вестн. – 1909. – Т. 62. № 3 и 4. – С. 231–234.
42. Соболевский А. И. Древнекиевский говор / А. И. Соболевский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1905. – Т. 10. Кн. 1. – С. 308–323.
43. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. – 4-е изд. – М., 1907. – 309 с.
44. Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности / А. И. Соболевский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1904. – Т. 9. Кн. 2. – С. 14–23.
45. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии : Наречия великорусское и белорусское / А. И. Соболевский. – СПб., 1897. – Вып. 1. – 2, 108, 3 с.
46. Соболевский А. И. Очерк русской диалектологии / А. И. Соболевский // Живая старина. – 1892. – Вып. 1. – С. 3–24; вып. 2. – С. 3–26; вып. 3. – С. 3–30; вып. 4. – С. 3–61.
47. Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка / А. И. Соболевский. – К., 1884. – Ч. 1. – 156, 90 с.
48. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII – XV вв. // Рус. филол. вестн. – 1886. – Т. 15. – С. 7–24.
49. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков : краткий очерк / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды : в 2-х т. – М. : Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 199–450.
50. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение : общий курс / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды : в 2-х т. – М. : Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 21–197.
51. Шахматов А. А. [Рец. :] А. Е. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья / А. А. Шахматов. – М., 1907 – 8 // Rocznik slawistyczny. – 1909. – Т. 2. – S. 135–174.
52. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка : Исторический процесс образования русских племен и наречий / А. А. Шахматов. – Пг., 1916. – Ч. 1. – 146, III с.
53. Шахматов А. А. [Рец. :] Д. К. Зеленін. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации / А. А. Шахматов. – СПб., 1913 // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1915. – Т. 20. Кн. 3. – С. 332–358.
54. Шахматов А. А. [Рец. :] Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896 / А. А. Шахматов // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1898. – Т. 46. – С. 25–73.
55. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1908-9 уч. г.) : введение / А. А. Шахматов. – 2-е [литограф.] изд. – СПб., 1910 – 11. – Ч. 1. – 407 с.

56. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1909 – 10 уч. г.) : Очерк истории звуков русского языка / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд.– СПб., 1909 – 10.] – Ч. 2. – 797, 5, 13 с.
57. Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV – XV в. (По поводу книги "Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке". СПб., 1909) / А. А. Шахматов // Журн. м-ва нар. просвещения. – 1909. – Ч. 22. № 7. – С. 105–177.
58. [Шахматов А. А.] Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева ["О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков : к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии"] / А. А. Шахматов // Сб. по рус. яз. и словесности. – 1929. – Т. 1. Вып. 2. – С. III–X.
59. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия слав. филол. – 1915. – Вып. 11. – XXVIII, II, L, 369 с.
60. Шахматов А. А. Русский язык / А. А. Шахматов // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – Т. 28. – С. 564–581.
61. Шахматов А. А. Русский язык : лекции, читанные в Моск. ун-те. 1890 – 91 ак. г. / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд. – М., 1890 – 91]. – 179 с.
62. Шахматов А. А. [Рец. :] J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Díl. 1. V Praze a ve Vídni, 1894. Díl. 3. V Praze a ve Vídni, 1896 / А. А. Шахматов // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1900. – Т. 66. № 6. – С. 17–105.
63. Шахматов О. О. До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка : Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stocky und T. Gartner. Wien, 1913 / О. О. Шахматов // Україна. – 1914. – Кн. 1. – С. 7–19.
64. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка / И. В. Ягич // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1889. – Т. 46. № 4. – VI, 171 с.
65. Smal-Stocky S. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache / S. Smal-Stocky, T. Gartner. – Wien, 1913. – XV, 550 s.
66. Шахматов А. А. Великорусская диалектология : лекции, читанные в Петроградском ун-те в 1919 – 20 уч. г. / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 273, арк. 1–13.
67. Шахматов А. А. Историческая этнография восточной Европы. 1920 / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 81, арк. 1–71.

УДК 811. 161.1

Валентина Маслова
(Витебск)

СТАТУС КАРТИНЫ МИРА И ЕЕ ТИПЫ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

У статті проаналізовано три типи картини світу – концептуальна, мовна і поетична, показані їхні подібність і відмінність, а також їхній статус в антропоцентричній парадигмі.

Ключові слова: картина світу, мовна картина світу, поетична картина світу, образ світу.

The article analyzes three types of world views – conceptual, linguistic and poetic, it shows their similarities and differences, and their status in the anthropocentric paradigm.

Key words: world view, language world view, poetic world view, the image of the world.

Появление антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках привело к ряду изменений. Теперь исследователь языка и культуры должен учитывать, что он есть носитель некоторой этнической культуры, которая не только вооружает, но и ограничивает его определенной системой категорий, при помощи которых он может составить представление о своей и о чужой культуре, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель